

Олег
Бондаренко

ALTER EGO

– Спасите! Помогите!! Тону-у-у!!!

Крик был едва различимый, и доносился непонятно из какой точки. ОН испуганно повертел головой, но было ясно, что так просто тонущую женщину на тёмной поверхности воды не заметить.

Перед НИМ простиралось озеро – то самое горное озеро, о котором в последнее время столько писали в газетах и говорили по телевидению. Озеро, которому приписывали особые свойства: оно, мол, является приемником космических сил и человеку созерцающему позволяет сильно возвыситься в духе. Короче, модное озеро – в нынешние времена. Но чтобы крики о помощи... Это ЕГО буквально перевернуло.

Ситуацию усугубляла темнота. Дело было ночью или, во всяком случае, поздним вечером – они с семьей приехали сюда, в пансионат на берегу, всего час назад, и добирались по горной дороге очень долго. Потом, правда, оказалось, что комната, которую они забронировали заранее, кем-то занята – из-за накладки; и вообще свободных мест нет; им предложили слабое утешение – проживать раздельно и дороже, из-за чего жена наехала на НЕГО, назвала *неудачником*, и ОН, расстроившись, швырнул свой паспорт на стойку ресепшен и убежал прочь.

И вот теперь, одинокий, униженный, ОН бродил по пустынному пляжу... Далекий женский голос опять позвал на помощь – откуда-то из мрака; сердце ЕГО заколотилось со скоростью пулемёта, но что предпринять в такой ситуации, ОН совершенно не знал.

В бессилии ОН подбежал к самой воде и вгляделся в её чёрную гладь, вслушиваясь в плеск волн. Несомненно, кто-то там погибал, ОН знал это; и так же несомненно, этот человек вскоре расстанется с жизнью, и ОН не сможет этому воспрепятствовать.

От волнения ОН весь превратился в слух. Нет – в один сплошной нерв, комок нервов, чувствующих малейшие колебания всего на свете. Откуда кричат... ОН постарался понять душой, сердцем. Так... Закрыв глаза. ЕМУ показалось, что голос вообще идёт не от озера, а откуда-то со стороны, сверху. Или он раздаётся прямо в мозгу? ОН напрягся – пот выступил у НЕГО на лбу, и тело предательски задрожало. Так...

Словно рассекая Вселенную, сквозь туман ОН вдруг ощутил *эту женщину*, её боль, отчаяние, ужас. Да, она беспомощно барахталась среди волн, взывая к небу,

задыхаясь, держась на воде из последних сил. ЕГО начало ломать, всё внутри НЕГО пылало. Как она очутилась там?! Кораблекрушение?! ОН знал теперь, что – да. Другие погибли? Да. А она... Докричалась-таки – до НЕГО...

В голове всё вспыхнуло. ОН силой воображения, а может, и силой воли представил себе – настоял, что так оно и есть, – спасательный катер, который мчится к месту катастрофы... Вот он подходит всё ближе и ближе... Она кричит! Привлекает внимание! И – ЕМУ так этого захотелось! – её заметили; подбирают. Отогревают. Она вся мокрая. Рыдает на палубе. Но больше ЕГО не зовёт...

Взволнованный и опустошённый, ОН упал на песок... Энергии уже ни на что не оставалось... Дышать было тяжело, сердце ныло, перед глазамиплыли разноцветные круги. ОН лежал и ждал, пока вернутся жизненные силы. Потом сел и затуманенным взглядом смотрел на озеро – горное озеро, преподнёсшее ЕМУ такой сюрприз...

В гостиницу ОН шёл, как на каторгу. Едва переставляя ноги. ЕМУ ужасно не хотелось объясняться с женой, детьми; ЕМУ вообще ничего не хотелось. Не деваться было некуда, и скоро, пожалуй, начнёт светать. Понуро ОН вошёл в вестибюль, извинился на ресепшене и спросил, устроилась ли его семья, и если да – то в каких комнатах (вместо той, что планировалась вначале). Ему подсказали, вернули паспорт, и ОН поднялся туда, наверх.

Жена спала – или делала вид, что спит, отвернувшись. ОН тихонько присел к окну и сидел там долго-долго, глядя вдаль, пока над волшебным озером, из-за гор, не встало солнце.

* * *

Утром ОН первым делом расспросил новости – ЕМУ не терпелось узнать, как там всё с этим кораблём получилось, и действительно ли удалось спасти кого-то из людей. На ресепшене на НЕГО уставились в недоумении: о какой, мол, катастрофе идёт речь? Нет, не было никакого кораблекрушения. Да и здесь, на озере кораблей-то толком нет. Спасательный катер? Не при чём. Он как стоял у пристани, так и стоит...

Ничего не понимая, ОН пытался что-то доказать. Но лишь настроил против себя персонал гостиницы, который, хотя и отнесся к нему с положенной вежливостью, всё же, на самом деле, не забыл о вчерашнем ЕГО срыве.

Жена тоже не очень-то желала с НИМ разговаривать. Она демонстративно взяла детей и ушла с ними на пляж. ОН подумал было их догнать, но что-то словно надломилось в НЁМ, и ноги сами понесли ЕГО в другую сторону – на тот, знакомый с ночи берег...

Этот пляж при солнечном свете выглядел веселее, чем несколько часов назад, но никаких следов ночного происшествия здесь не было и в помине. Отдыхающие затоптали даже место, где ОН лежал на песке в ожидании восхода. ОН грустно пожал плечами и пошёл прочь, думая лишь о том, что в мире, несмотря на стремительный прогресс XXI века, остаётся слишком много загадок.

* * *

В ту же ночь призывы о помощи повторились. На этот раз их было несколько, и они, казалось, неслись с разных сторон. ОН лежал рядом со спящей женой – наконец помирился – и, услышав их, осторожно встал с кровати. Надел тапочки,

вышел на балкон. Взглянул на озеро, на лунную ночь, на звёзды (здесь, в горах, звёзд было видимо-невидимо). Вслушался. Крики едва можно было различить; ОН воспринимал их каким-то шестым чувством.

Люди звали ЕГО. А может быть, не лично ЕГО? Во всяком случае, они просили помощи у того, кто спас вчерашнюю женщину, кто откликнулся на чужую боль. Помог ей – помоги и нам, читалось в их мольбах, и ОН, кажется, чувствовал это, начинал чувствовать. Слишком серьёзно, чтобы сделать вид, что не заметил.

Вообще ЕГО не покидало ощущение, что обращаются к НЕМУ с очень далёкого, может быть, даже невообразимого расстояния. Как ОН понял это? ОН не знал. Но сейчас это было неважно...

Увидеть страждущих, конечно, было невозможно. Тогда ОН прибег к испытанному способу: сосредоточился, настроился, закрыл глаза и попробовал отдать всего себя тем, в чём зове было больше всего отчаяния. Спустя некоторое время, обливаясь потом от напряжения, ОН стал различать, кто зовёт и чем именно ОН мог бы быть полезным.

Одна женщина – где-то там, далеко-далеко – молила за сына, ожидавшего казни на рассвете. ОН понял, что подросток не виновен в преступлении, за которое его арестовали и осудили. Ещё одна девушка умоляла о спасении от голода – её семья медленно умирала из-за неурожая и засухи. Молодой человек просил заступиться за престарелых родителей. А глубокий старик плакал над метавшимся в горячке внуком, и слёзы его – ОН почувствовал это, почувствовал! – были горькими и солёными на вкус.

Сердце ЕГО преисполнилось жалости к этим людям, и ОН, страдая, представлял их счастливыми и довольными, воображал себе, как, каким образом радость и покой придут в их дом.

К утру ОН просто свалился от изнеможения... ОН попробовал помочь всем, кто просил, и – самое главное! – почему-то ЕМУ казалось, что помощь действительно дошла по назначению. Только это было очень далеко. Не на Земле – оно уже было ясно. Но где? В глубинах Вселенной, где теплилась разумная жизнь – такая же, впрочем, несчастная, как и на нашей родной планете...

Утром жена застала ЕГО в полуобморочном состоянии в кресле-качалке гостиничного номера и безуспешно пыталась привести в чувство. ОН лишь смотрел на неё вымученным взглядом и бормотал: «Альфа-Центавра... Альфа-Центавра... Это где-то в районе звёздной системы Альфа-Центавра... Они там нуждаются в моей помощи... Родная, пойми меня... Космос – он бесконечен. Я должен, должен поддержать их...»

* * *

Отпуск прошёл совсем не так, как они перед поездкой рассчитывали. Начиная с неудачи при заселении – и кончая всеми последующими днями. ОН с утра до вечера пребывал в какой-то апатии, бессильно лежал на кровати в номере (говорил, что восстанавливает силы). А жена с детьми ходила на пляж, на дискотеку, завела курортный роман с каким-то пройдохой; они даже ездили в соседнюю деревушку на ярмарку – с ЕГО сыном-подростком и девицей-дочерью. А ОН лежал.

Зато по ночам ОН оживал. Тысячи просьб неслись к НЕМУ – из того, другого, неведомого пространства. Кто-то просил о жизни, кто-то – о смерти, кто-то жаждал победы, кто-то – с достоинством уйти. ОН внимательно выслушивал всё, оценивал,

взвешивал и принимал решения. Порой действовать приходилось быстро, очень быстро; и чем быстрее – тем хуже ЕМУ становилось потом. Ох, энергетика...

Наверное, со стороны это всё казалось полным бредом... Он и сам (днём) думал, что что-то здесь не так. Вспоминал про голоса Жанны д'Арк, осознавал, что есть на земле шизофрения, и сто раз сам себе задавал вопрос: а кто я? И в конце концов сам себе отвечал: как бы то ни было, они *просят*. Я *должен* им помочь.

Возвращались домой с озера в подавленном состоянии... Дети не обращали на отца никакого внимания – дурачились, играли сами по себе. Жена молчала. В её нежелании общаться крылось что-то грозное. Он старался не смотреть на жену. И вместе с тем вдруг уловил: впервые за всё время чья-то просьба *оттуда* пробилась в неурочное время – не ночью, когда все звёзды открыты, а днём, когда Вселенная спит. Это поставило ЕГО в крайне неудобное положение. Но надо было отвечать.

Пришлось отвернуться от семьи – хорошо ещё, что он был не за рулём... Несколько минут сосредоточенности – и там, на другом конце мира кто-то получил, что хотел. А Он откинулся на спинку кресла в автомобиле и отключился... Жена ЕГО, как повелось в последнее время, сочла, что Он ненормальный.

* * *

Дома было плохо. По всем статьям. И плохо стало на работе. Бесконечные обращения тысяч и тысяч людей – уже днём и ночью – убивали ЕГО. Приходилось им уделять внимание – в ущерб себе. Он стал измученным, раздражительным, частенько походил на какого-то лунатика.

Семейные отношения, и до отпуска переживавшие не лучшие времена (оттого-то семья и решилась на поездку к озеру – чтобы всё восстановить), ещё больше ухудшились. Жена теперь подолгу отсутствовала дома; дети – благо они уже чувствовали себя более или менее самостоятельными по возрасту – жили своей жизнью, общаясь преимущественно со сверстниками. ЕГО несколько раз вызывали в школу – пропесочить насчёт успеваемости сына и дочери в старшем классе, но воздействовать на своих чад Он реально не мог: сын-двоечник откровенно послал отца, а дочь, хотя формально и не перечила, но в действительности занималась саботажем.

На службе шеф неоднократно подвергал ЕГО взысканиям: объявлял выговоры и штрафовал, в конце концов пригрозил увольнением. Их с директором связывало долгое знакомство – ещё с прошлых лет; но всему же есть предел!.. Он понимал, что сам не прав, но ситуация не оставляла ЕМУ выбора. Даже в разгар рабочего дня, во время составления важного проекта или деловой встречи в ЕГО мозг вдруг могла вторгнуться чья-то просьба или чья-то мольба из далёкого неведомого созвездия, и уже одно это «отключало» ЕГО, ибо отказать – было свыше ЕГО сил.

Зато вечерами и ночами Он оказывался предоставлен самому себе! И тогда для НЕГО начиналась совершенно иная жизнь. Он устраивался поудобнее на диване или в кресле, мог сварить себе кофе (который, впрочем, вечно остывал) и – уходил сознанием в космос. Ничто, слышите, ничто не могло в такие моменты выбить ЕГО из колеи. ЕМУ нужна была полная сосредоточенность и, слава богу, Он ее получал.

В своих космических странствиях, длившихся недели, месяцы, Он узнавал больше о мире, который волей случая стал ЕГО «подшефным». Выяснилось, что

люди, которым ОН теперь помогал, жили на планете, чем-то схожей с Землёй по своим параметрам; да и внешностью они мало чем отличались от землян. Другое дело, что их уровень развития цивилизации уступал земному. Непонятно, намного ли – там, в космосе, были несколько иные критерии и точки отсчёта. Но в целом сходства хватало. И поэтому ЕМУ проще было понимать тех, кто обращался к НЕМУ.

Говорили они на разных языках – хотя, впрочем, их языки ЕМУ были все понятны, ибо *тамошние* изъяснялись с НИМ посредством сердца и души. ОН вскоре обнаружил, что существует некая иерархия просьб и обращений: у бедняков потребности и заботы были одни, у правящего класса – другие. Но помогать правителям и царям тоже нужно было, поскольку довольно часто те просили не за себя, но за государство. Игнорировать такой расклад было нельзя, и ОН добросовестно исполнял свои новые – теперь – обязанности.

Вскоре ОН обнаружил, что иногда даже проще помочь какому-нибудь государю, чем нищей вдове, и вот почему. Развивая и укрепляя власть и государственные институты, ОН тем самым способствовал улучшению жизни большинства людей, созданию крепкой системы социальной помощи. Не всегда и не сразу – но, скажем так, в массе случаев. Тем более что время на этой планете для НЕГО и для местных жителей текло по-разному. То, что ЕМУ казалось одной короткой ночью, у *тамошних* соответствовало многим годам; это облегчало ЕМУ понимание исторических процессов и тенденций развития – в отличие от людей планеты, воспринимавших жизнь нередко как череду случайностей с непредсказуемым концом.

Конечно, это не отменяло ЕГО помощи каждому конкретному страждущему в личных вопросах. Много бед – много внимания. ОН не мог пройти мимо даже тогда, когда малыш плакал из-за отобранного уличными мальчишками надкусанного яблока. Что же, *la noblesse oblige*¹.

Сильно ЕГО смутило внимание *тамошних* к ЕГО персоне во многих – даже слишком многих – случаях. Тем более, когда у них дело шло на лад и без ЕГО вмешательства, ибо невозможно было отследить *абсолютно всё*. ОН быстро сообразил, что на НЕГО начали молиться; это ЕГО не обрадовало, поскольку благодарность в ЕГО деятельности была неуместна – ОН помогал, потому что должен был, а не за спасибо. С неловкостью ОН выслушивал хвалы и дифирамбы в свой адрес; ЕМУ хотелось, чтобы их не было вовсе, но убить у людей веру ОН не мог.

ЕМУ ставили свечи, ЕМУ посвящали храмы, в честь НЕГО крутили молитвенные барабаны, и это ЕГО постоянно вгоняло в краску. Однажды ОН обнаружил собственный портрет в каком-то горном монастыре. Изумлению ЕГО не было предела – неизвестный художник довольно чётко изобразил ЕГО черты, и непонятно было, откуда он мог узнать, как ОН выглядит.

Вскоре вся планета покрылась ЕГО изображениями. Это было слишком, и ОН постарался ни о чём таком не думать. ЕГО считали *отцом*, и, честное слово, ОН понимал, что какая-то доля справедливости во всём этом есть. ОН вздыхал. И поутру у НЕГО раскалывалась голова. С грустной усмешкой ОН, бреясь каждый день в ванной, смотрел на себя в зеркале – уставшего, невыспавшегося, осунувшегося.

¹ Положение обязывает (франц.).

* * *

Жена ушла осенью. Это был тяжёлый для НЕГО период безработицы, ибо ещё раньше ЕГО рассчитали с работы. Супруга познакомилась с каким-то преуспевающим врачом, а вскоре забрала и детей. Точнее, дети теперь были сами по себе, они у матери и отчима лишь ночевали. Дочка, как старшая, вскоре перешла жить в общину, наподобие хиппи, у неё там появилась масса кавалеров. С отцом она перестала общаться... Младший – сын – ещё несколько раз приходил в гости к отцу. Хотя, возможно, он лишь пытался что-нибудь стянуть в доме – деньги нужны были на очередную порцию косячка. ОН всё видел и понимал, но так уж был устроен, что изменить что-нибудь в лучшую сторону из-за своей бесконечной терпимости оказывался не в состоянии.

Зимой ОН вынужден был закрыть в банке свой счёт. ЕГО машина попала в аварию, и страховая компания из-за какой-то зацепки отказалась выплатить страховку. К тому же ОН поскользнулся во время гололёда, упал и повредил ногу; из-за всех этих бед ЕМУ пришлось теперь практически не выходить из дому. Он лежал на диване, предоставленный самому себе, забытый друзьями и полностью ушедший в контакт.

Вся жизнь теперь представлялась ЕМУ одним сплошным общением с той планетой. ОН изучил её вдоль и поперёк и чувствовал её, чувствовал, чувствовал. ОН научился сдерживать порывы элиты, игравшей во всяческие политические игры там, у себя, научился взвешенно и сбалансированно распределять расстановку сил. ОН ощущал, когда и какому государству следует вырваться вперёд, и кого из монархов нужно на время, по тем или иным причинам, осадить. ОН намеренно помогал одним и придерживал других, так как лучше видел, к чему приведёт их соперничество в недалёком будущем.

В конце концов ЕМУ однажды принесли счёт за квартиру, который ОН не мог оплатить... ОН лежал, как всегда, на диване, погружённый в свои виртуальные заботы, и заслышав звонок почтальона, проковылял к двери. А потом долго плакал, проклиная судьбу, уготовившую ЕМУ столько подарков...

ОН мысленно обратился к Богу – настоящему Богу и попросил у него прощения за всё. Слезы текли у НЕГО по щекам, а в мозгу слышался приглушённый гомон: тысячи, десятки, сотни тысяч голосов – тех, оттуда – что-то просили у НЕГО, жаждали, требовали...

* * *

ОН знал всех в лицо. В это трудно поверить, но ОН знал теперь каждого – на той, вверенной ЕМУ планете. Многие представлялись ЕМУ чрезвычайно интересными людьми – среди них творческие личности, коварные политики, духовно возвышенные учителя и наставники; другие же виделись ЕМУ как грустная, покорная масса с затуманенными мозгами. Но – и это характерно – ОН не отказывал в своём присутствии никому, в том числе и тем, что казались ему забытыми и недалёкими. У помощи не было избирательности. Не было иерархии. Хотя, если разобраться, некоторые личности просто сами по себе воспринимались ИМ как явления природы или явления духа, и это было здорово – вне зависимости от того, следовало ли оказывать им поддержку.

Один из таких особенных жил уединённо, на хуторе среди лесов. ЕМУ нравилось наблюдать за ним, смотреть, как тот вечерами разглядывал звёзды. Совсем

как ОН сам! – думалось ЕМУ. И что-то в том, *далёком* наполняло ЕГО гордостью за тамошнее человечество.

ЕМУ очень хотелось сделать что-нибудь для этого молодого человека. ОН обратил внимание, что не всё в его жизни было гладко: болезни и мор скота, произвол местных феодалов могли хоть кому отравить существование. Но юноша с мечтательным взглядом ни о чём ЕГО не просил. Вообще не просил. И стойко сам справлялся со своими проблемами. Хотя, как ЕМУ было видно издали, не всегда удачно...

Со временем у НЕГО появилась навязчивая идея – сделать всё возможное для парня из лесов. Однако, и это было обидно, ОН с горечью осознал своё бессилие – без обращения и просьбы к НЕМУ вмешаться ни во что ОН не мог. Инициатива должна была исходить *оттуда*, с той стороны.

С любовью ОН вглядывался в лицо ни о чём не просящего человека. В его глаза – мудрые, понимающие, возвышенные. В его силуэт – парня, застывшего в задумчивой позе на лугу, на опушке леса, в предзакатные часы, когда тамошнее солнце склоняется к верхушкам кудрявых деревьев... Хотелось знать: о чём он думает? Куда обратил свой взор? Иногда ЕМУ казалось, что их взгляды встречаются. Хотя нет, парень просто смотрел в небо, в просторы Вселенной, по направлению к нашей звезде. Наверное, он мечтал. Или искал того, кто сумел бы по-настоящему проникнуть в его сущность.

Однажды ОН понял, что *тот мир* теперь всегда будет ассоциироваться у НЕГО с молодым человеком, задравшим голову ввысь. ОН понял невысказанную красоту этой картины. ОН взволнованно думал о полёте вечности, и в сердце его распускались неземные цветы.

* * *

...Весной нога перестала болеть, и каким-то чудом удалось раздобыть денег на оплату квартиры. ОН, прихрамывая, шёл по улице, и солнечные лучи ласкали ЕГО щёки и подбородок. Призыв к молитве в соседнем храме оказался как нельзя к месту; благодарный, он решил войти внутрь и обратиться к создателю, пославшему в ЕГО сердце покой.

Странно, подумал ОН, я так давно не был в храме... ОН вошёл, ступая осторожно, торжественно, и вся обстановка вокруг благостно обволокла ЕГО своим сказочным полумраком.

ОН посмотрел вверх, в купол, и дым благовоний наполнил ЕГО органы обоняния сладостью...

На стене, сбоку от алтаря была сделана очень красивая художественная роспись. ОН скользнул по ней глазами, потом всмотрелся – и внезапно у НЕГО перехватило дыхание, внутри учащённо забилося: бум-бум, бум-бум. ОН, не отрываясь, глядел на изображение.

Взгляд. Где ОН видел этот взгляд? Эти мудрые, всепонимающие глаза?! Боже мой... ЕМУ стало не по себе. Медленно сознание обретало ясность.

...В храме стояла звенящая тишина, и лишь луч солнца, проникая сквозь витраж, играл на склонившихся фигурах молящихся.

